

Стихи Оксаны Горошкиной – озноб, выводящий из удушающе сладкого сна будней, затянутых паутиной комфорта, зябкое утро, где росистая трава неприятно щекочет лодыжки, где реальность причиняет ощущения, чувства и даже мысли, становясь самым бытием – бескрайним и цельным, вмещающим одинаково легко боль и радость, жизнь и смерть.

Поэзия Оксаны – укоренённая в прошлом и активно развивающаяся в современности сущность, богато наполненная точной лексикой и яркими живыми чувствами. Это вглядывание в себя до одурения, до предельной честности, до желания принять себя до ужасающих глубин самости:

*«Потягивая вечером кефир,
Гляжу в себя – заученные дали.
Вот мы и вышли. Вот мы и устали.
А раньше нам был тесен целый мир...»*

«Познай самого себя» – эта формула греческой философской мысли становится очень значимой и насущной в настоящее время – в эпоху всеобщего бегства от себя, погружения во всевозможные иллюзорные миры, тотального отвлечения – «влечение от» в противоположность «влечению к» – к сути, истине и гармонии.

Автор, легко оперируя значительным словарным и понятийным арсеналом, не срывается в весьма распространённую в современной поэзии молодых «усмешку циника», в корне которой, впрочем, всегда лежит

*«Отчаянье – привычная цена
Для тех, кому отсюда не видна
У горизонта ледяная глыба...»*

Напротив, автор активно вслушивается в язык, в тонкую логику его звучания, в речевую музыкальность – внелогичный, таинственный способ постижения мира:

*«Можешь, смотря под ноги, тащиться мимо
Лунного света, ряби речной, рябин...»;
«Ныряют в молоко
Поступки, постулаты, позывные...»*

Нередко автор разворачивает художественное полотно, отталкиваясь от музыки речи, а звукопись служит отправной точкой стихотворения:

*«Чёрен чифир за прозрачной стеной окна...»;
«Вереском розовым, солодом-золотом
Переброжу...»*

От начала до конца книги можно проследить любопытный, нелинейно разворачивающийся сюжет борьбы музыки и мысли. Книгу открывает верлибр «Я помню, как в детстве мы с мамой пекли печенье...». Верлибр здесь – попытка организации поэтического пространства без опоры на ритм, рифму, музыку речи... экспериментальная сухая выжимка смысла, попытка держать поэтическое вещество только на образе и логике образа, уход от традиции. Здесь даже самые сильные детские впечатления – «круглые солнышки, выплывающие из духовки» – не способны согреть, осветить, разогнать мрак, окружающий человека всю его жизнь. Вполне закономерно, что стартовый верлибр заканчивается образами Бабы Яги и вечного снега. В этом стихотворении заключена проблема, художественная задача, которая будет решаться до конца книги.

Но уже в ближайших стихотворениях ощущается необходимость воздуха для глубокого лирического вдоха, принятие второй (кроме мысли) – волновой – стихии для набора подлинно поэтической высоты. И ответом на этот вызов становится интуитивное или осознанное обращение автора к традиции:

*«Я смотрю за окно. За окном прибор,
Камни, травы, кусты, кусты.
А шоссе-река тяжела, как вздох,
И долга, как моя тоска <...>
К безмятежно молчащим вдали холмам
Отползает мохнатый лес.
Закрываю глаза – и съедает тьма
Нас с тобою и берег весь...»*

И совсем уже сообразно традиции, полноправно по-русски заканчивается следующее стихотворение:

*«В нервный узел под сердцем сжалось, но
Всю меня заполняешь жалостно
Горе горькое ты моё».*

Великолепными антагонистами, почти как Пушкин с Дантесом, стоят в книге два следующих стихотворения. С одной стороны, в начале книги:

*«Без лишней драмы и без претензий
Пиши о том, что тебя не ранит:
Вот жук уселся в букет гортензий,
Вот сад цветущий покоем залит.»*

*А душею ночью в безлунной гуще,
Забившись в угол, обняв колени,
Тверди бездумно: «Вот жук цветущий.
Вот сад уселся в букет сирени»,*

с другой, ближе к концу:

*«Обруби сплеча – спьяну, сгоряча. –
Чтоб прожил крича, чтоб не смог начать.
Оботри печаль с лезвия меча
И на боль свою наложи печать.»*

*Знают сто из ста: всё излечит сталь.
Пусть душа пуста – не бросай поста.
К холоду креста приложи уста
И начни дышать с чистого листа».*

С одной стороны, налицо мятежность, бунт, упрямство, «прогрессивность» – и в конечном итоге замкнутость в форме, схлопывание вовнутрь. А с другой стороны – зачарованность ритмом, пленение рифмой, заморозённость музыкой, голое расхищенное язычество, угроза погружения в дурную бессознательность и превращение в первозданное месиво. Однако ни за той, ни за другой стороной не стоит будущее, потому что оно притаилось в третьей силе:

*«И приходит слово. Оно как солнце:
Закипает, жалит, наружу рвётся,
Затяжным каскадом фотонных порций
Пёстрых мыслей взбивая взвесь.»*

*Исступлённо буквы-протуберанцы
Изнутри буравят защитный панцирь.
Это время выйти на свет. Признаться:
Я живая ещё. Я есть».*

«У кромки лета» Оксаны Горошкиной – тоненькая, в мягкой обложке книжичка внушает объёмную и твёрдую уверенность в том, что у нашей культуры и её носителей есть будущее. А также в том, что русский язык, который является единственным по-настоящему стратегическим запасом страны, развивается, а в обществе идёт напряжённая духовная работа, производится поиск жизнеспасающего смысла, и открываются пути выхода на новые уровни.